

© 2009 г. Т.А. Брачун

**ИСТОЧНИКИ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ КОРЕННЫХ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА (НА ПРИМЕРЕ ЧУКЧЕЙ)**

Анализируются причины высокого уровня толерантности чукотского этноса. Отмечается, что толерантность этноса сводится к стремлению позитивно воспринимать иные культуры. Выделяются этапы аккультурации чукотского этноса с характерными для каждого из них специфическими чертами и доминирующей стратегией.

Ключевые слова: этническая культура, этническая толерантность, стереотипы, автостереотипы, гетеростереотипы, ассимиляция, интеграция, сепаратизм, сегрегация.

Этническая толерантность, подразумевающая открытость и устойчивость культуры, является одним из ведущих аспектов этнической идентичности. В настоящее время толерантность рассматривается как цементирующий компонент культуры, выступающий антагонистом таких негативных проявлений современности как ксенофобия, национализм, расизм, главным барьером, стоящим на пути полноценного и перманентного диалога культур. В настоящее время не принято говорить о «не толерантных» этносах, «агрессивных» этносах, «не дружелюбных» этносах, «закрытых, замкнутых на себя» этносах. Вместе с тем, как в официальном проявлении, так и на уровне массового сознания существуют явления «этнического высокомерия», «этнической элитарности», которые требуют своего изучения. В США, например, государстве, где этническая толерантность представляется едва ли не обязательным условием жизни, в силу многонациональности этого государства, распространены анекдоты о «тугодумстве» поляков и ирландцев. В этой же стране распространено мнение о «феноменальной одаренности» детей-китайцев, якобы, стоит только ребенку появиться в новом классе, как он через два-три месяца выходит на ведущие позиции в учебе и прилежании. Англичане брезгливо называют французов «лягушатниками», намекая на их неразборчивость в пище, при внешней претензии на утонченность. В современной Рос-

сии слово «прибалт» означает очень медлительного, неловкого во всем человека. «Москаль» для украинца не только северный сосед, но и еще нечто простоватое, упрямое и несостоятельное, рассматриваемое то как «угроза с Севера», то как «нахлебник и лентяй», то как «слишком много возомнивший о себе тип». Почти каждый народ имеет в своем «багаже идей и предрассудков» некий образ, не совсем желанный для общения, в силу ряда причин.

По-видимому, это объясняется тем, что этническая культура способна консервировать фактически архаические нормы жизни, во многом не соответствующие «злобе дня». Она замкнута, поскольку в ней господствует традиция как основная ценность. Этнос всегда стремится сохранить не только традиции и отличия от других этносов, но и борется, высмеивает незнакомое, новое, а значит – чуждое. В концепциях Дюркгейма и Спенсера этничность как таковая, выступает как дискретное и ограниченное социальное образование, как правило, являющееся результатом географической и социально-культурной изоляции. Обилие специфических и оригинальных черт, присущих конкретному этносу наводило на мысль о различиях, нежели о сходствах. Постмодерн относится к этничности как к метафоре, являющей собой произвольную конструкцию. Чего больше в такой конструкции: закономерности или органической способности к приспособлению – остается большим вопросом. Действительно, сущность этничности выяснить весьма тяжело, о чем говорят современные концепции этничности. Весьма продуктивная идея выражена современным исследователем К. Разлоговым, которая заключается в выведении сущности этничности, как порождении культурного контакта [1]. Наиболее ярко и рельефно этническая специфика проявляется именно в контакте, диалоге культур, хотя эти качества можно выделить и при обычном наблюдении. Но при обычном наблюдении этническая специфика не выражается в контакте, а, следовательно, ее невозможно оценить с точки зрения толерантности того или иного этноса. Мы исходим из того понимания проблемы, что реальная этническая толерантность выражается в смешении культурных характеристик, открытости к культурным заимствованиям, касающихся, в том числе, и аксиологических установок, и социосферы. При этом сущность этничности остается неизменной настолько, насколько глубоко и основательно осуществляется культурный диалог.

В настоящее время становится модным рассмотрение проблемы этнической толерантности через теорию «культурных транзаций», а также сквозь призму подхода, получившего название «девелопментализм». При всей положительности настрое на созидание и «подтягивания» некоторых «отсталых» этносов до среднего цивилизационного уровня, оба подхода нарушают принцип культурного равноправия в одностороннем порядке. Так теория культурных транзаций вообще рассматривает культуру как дополнительный социальный институт, существенно объединяя саму проблему культуры. В начале XX в. было зафиксировано колоссальное значение культуры в многочисленных источниках и исследованиях, что позволило приступить к оценкам европейской культуры, как передовой, авангардной, креативной и т.д. «Белый человек» приступил к культурному освоению всего мира, безудержно транслируя на него свои системы миропонимания и ценностей через парадигму либерализма. Современный исследователь А.С. Цатурян делает следующий вывод: «В настоящее время такая точка зрения все чаще является преобладающей, хотя уже не в гуманитарных, а социальных науках: экономике и политологии (особенно в теориях демократии и гражданского общества). Рекомендации аналитиков транснациональных и международных организаций обязательно включают в себя разделы, посвященные необходимости «вестернизации» традиционных ценностей национальных культур с целью их приведения к «демократическому идеалу», поскольку считается, что это сможет обеспечить экономический рост» [2]. Концепция девелопментализма вырастает из понимания необходимости созидания внутри самого этноса. Она заключается в «западных предпочтениях», зачастую, в экспликации ценностей цивилизации на собственную этническую культуру. Однако прямые заимствования зачастую приводят к вытеснению ценностей более «слабой», менее агрессивной культуры со стороны более мощной культуры. Это демонстрирует воплощенное отсутствие толерантности к другим культурам при избыточной демонстрации, так называемой, политической корректности. Собственно, это механизм, заимствованный из античности, когда участники культурного диалога разделялись на «варваров» и «не варваров».

Идеи цивилизационной миссии весьма популярны в настоящее время и перекликаются с современными доктринами глобализации, понимаемой как вестернизация. Эти идеи развиваются в работах таких мыслителей как З. Бже-

зинский, Ч. Тили, Ю. Хабермас и др. Общественной экспертизе преподносятся концепции «принимающей» культуры, как более «слабой», «не цивилизованной», вбирающей в себя культурные достижения извне и внедряющие их на своей этнической почве, а также концепция «отдающей» культуры. Последняя «делится» своими достижениями и ценностями, а фактически – насаждает идеалы либерализма. Даже если принять эти концепции, то они не отменяют необходимости признания императива равенства культур. В конце концов, даже демократия в среде наиболее развитых государств «первого мира» понимается с точки зрения национальных традиций и культур, и французская демократия не есть то же самое, что американская. Давно сформировалась культурно-философская школа, рассматривающая культурные различия как «иллюзию», манипулятивный инструмент социального воздействия. П. Бурдьё, Э. Хобсбаум, Э. Гидденс и др. придерживаются гуманистического, широкого понимания проблемы взаимоотношения культур и культурной толерантности. Сторонники идеи «экономической глобализации» Р. Сноу, Д. Норт и др. полагают, что в современных условиях естественные культурные границы, в том числе этнические, размываются в результате естественных процессов. Многие люди покидают свои «насиженные» места и переезжают, чтобы жить и работать в иных условиях. Они «автоматически» перенимают ценности общечеловеческого, общецивилизационного характера. Вне всяких сомнений, данная доктрина отчасти верна, но лишь отчасти. Например, массовые миграции создают условия для создания культурно-этнических диаспор, живущих вполне «замкнуто и закрыто». Такими являются китайские диаспоры в США, Италии, России, других странах, курдская и турецкая диаспоры в Европе и т.д.

Однако данная концепция имеет и другой изъян. Она фактически противопоставляет общечеловеческие, общецивилизационные ценности ценностям этническим, что неприемлемо. Неприемлемо, поскольку тезис о преодолении «культурного разрыва» посредством принятия универсальных ценностей не является объективной реальностью. Необходимость развития условий для этнической толерантности и полноценного культурного диалога вырастает из концепции культуры, предложенной В. Е. Давидовичем, Ю. А. Ждановым и их последователями В. В. Черноусом, А. В. Авксентьевым и др. [3]. Исходя из данной концепции, этническая толерантность может существовать в условиях признания равенства культур, их равноценности и самобытности. Каж-

дая этническая культура имеет право на существование, в противовес «культурному империализму» новоявленных либеральных «учителей». Тут можно добавить и понятие «этнического империализма», подразумевающего прямое силовое воздействие на этнические культуры. При длительных контактах этносов формируются стереотипы идентичности, вырастающие, казалось бы, из мелочей – особенностей домохозяйства, семейных отношений, поведения, предпочтений питания, произношения и словоупотребления – но эти мелочи играют решающую роль. «Украинцы едят сало» – это утверждение стало стереотипом русского восприятия украинцев. Хотя русские тоже едят сало, притом, что далеко не все украинцы любят сало. Этот стереотип настолько приблизителен, что навряд ли имеет формальное подтверждение. Вместе с тем, он жив, как надуманное и искусственное, но все же отличие.

Существует мнение, выраженное в десятках источников, что народ, как правило, идеализирует себя. Оно верно до той черты, которая определяет подавляющее предпочтение. Например, существуют идеальные стереотипы русского человека: широкая душа, открытость, талант, терпимость, терпение, смелость, героизм, уживчивость и т.д. Все эти стереотипы, безусловно, верны, если рассматривать не русский народ в целом, а его часть, пусть значительную. Но есть и стереотипы другого рода: лень, лукавство, вера в царя-батюшку, неорганизованность, привязанность к алкоголю, бунтарство и т.д. Эти стереотипы свидетельствуют о совсем ином состоянии народа. Оба ряда перечисленных стереотипов относятся к автостереотипам, составляющим важную часть национального самосознания, находящихся в основе идентичности. И автостереотипы (то, что мнит народ о себе самом) и гетеростереотипы (то, что он думает о других) формируют этнические пределы толерантности, образуют каркас идентичности. Автостереотипы и гетеростереотипы представляют собой систему категорий, решительно определяющих изначальное отношение к другим. Не смотря на их поверхностность, эмоциональность, бросающуюся в глаза неразборчивость и упрощенность (если не сказать – примитивность), они укоренены в этнической культуре и меняются весьма и весьма медленно. Гетеростереотипы более критичны, нежели автостереотипы. Часто именно они являются источниками этнических предубеждений, а порой и ксенофобии. В своей основе принцип формирования гетеростереотипа заключается в формуле «У них все не так как у нас». Например,

в русской культуре давно созрел принцип формирования стереотипов к немцам, часто распространяющийся на всех европейцев: «Что русскому хорошо, то немцу смерть». Именно в гетеростереотипах следует искать признаки нарождающейся нетерпимости. Отсутствие этнической толерантности неизбежно ведет к двум сценариям развития этнокультуры. Первый связан с «схлопыванием» культуры, ее стремлением к абсолютной автаркии, выходом из межкультурной коммуникации. Второй – с развитием этноцентризма, т.е. с формированием самостоятельных этнических идеологий, мировоззрения, «согласно которому собственная группа представляется центром всего, а все остальные оцениваются по отношению к ней» [4]. Данный способ идентификации способствует формированию стереотипов пейоративного (ухудшенного) характера и, в целом, стимулирует процесс стереотипизации, упрощающий восприятие мира. «Стереотип является коллективным по происхождению представлением в том смысле, что индивид принимает на веру образ группы, который не основывается на его личном опыте» [5]. Этноцентризм, таким образом, можно охарактеризовать как нетолерантную форму этнической идентичности, своеобразный нетолерантный патриотизм [6].

Мы не ставим целью анализировать феномен толерантности как один из актуальных современных принципов развития культуры. Эта проблема требует особого глубокого и всестороннего исследования. Мы ставим задачу проанализировать толерантность коренных малочисленных народов Севера, одним из представителей которых является чукотский этнос. Мы уже упоминали об устоявшемся научном убеждении, что каждый этнос склонен идеализировать себя. Ингрупповая идентичность, таким образом, дополняется критериями аутгрупповой идентичности. При этом, ингрупповая идентичность обычно связывается с установлением собственных статусов и стереотипов, в то время как аутгрупповая идентичность базируется на выстраивании оппозиции «мы – они». Механизм формирования критериев идентичности должен неизбежно приводить к пониманию «своего» как родного, исконного, присущего «только нам», а «чужого» как инородного, неприемлемого, нелепого (даже если речь идет о преимуществах). Следовательно, позиционирование себя как члена конкретной этнической группы почти всегда означает непричастность и практическую невозможность причастности к чужой этнической группе. Человек, идентифицирующий себя как представителя какой-либо эт-

нической группы, отмечает одновременно свою непричастность к иной этнической группе. Конечно, механизмы идентификации намного сложнее и включают в себя множество других важных обстоятельств. В конце концов, признание «чужого» и «чужеродного» не всегда означает конфронтацию, равно как и то, что «чужое» и «чужеродное» есть синоним плохого и греховного. Однако отметим, что этническая толерантность или интолерантность есть один из ключевых аспектов этнической идентичности. Возникает вопрос: насколько ты открыт, терпим, конструктивен, общителен, дружелюбен, предрасположен к сотрудничеству? Во многом отвечает на вопрос: кто ты? Современный авторитетный исследователь этнических и социальных процессов К. Левин полагает, что самовосприятие всегда или почти всегда опосредовано понятиями и категориями групповой принадлежности. Его концепция групповой принадлежности как важнейшего компонента социальной и культурной идентичности в настоящее время находит широкое признание [7]. Вместе с тем групповая идентичность еще не исчерпывает проблем культурного бытия, как этноса, так и отдельного индивида. Помимо того, что этнос испытывает объективное и позитивное стремление к межэтническому диалогу, он еще и вынужден пребывать в полиэтническом окружении и формировать стратегии межэтнического общения не независимо от воли. В этом смысле проблема толерантности приобретает особое значение.

Под этнической толерантностью мы понимаем качество этнического сознания, как сознания группового, предопределяющее устойчивость этноса к инородному воздействию, гарантирующее отсутствие или существенное ослабление межэтнического напряжения. Этническая толерантность достигается при условии признания ценностного равенства этнических культурных миров. При этом социальные, экономические, технологические преимущества какого-либо этноса должны рассматриваться не как его изначальное преимущество, а как дополнительный инструмент для расширения пределов толерантности. Толерантность не может пониматься как отказ от собственных культурных ценностей, принесение их в жертву или ассимиляция в ином культурно-социальном сообществе. Фактически толерантность этноса сводится к стремлению позитивно воспринимать иные культуры. В своих выводах мы базируемся на единственном пока «полевом исследовании» коренных малочисленных народов Севера, произведенном на Северо-Востоке. Так данное исследование показыва-

ет, что количество позитивных автостереотипов представителей коренных малочисленных народов Севера составляет 42,69%, позитивных гетеростереотипов – 60,86%. Разница в оценках составляет 18,17%. Количество же позитивных автостереотипов у представителей нетитульных этносов – 67,18%, позитивных гетеростереотипов – 47,55%. Разность составляет 19,63%. Работа, проведенная психологом, ошеломляет исследователя, занимающегося философией.

Представители коренных малочисленных народов Севера значительно выше оценивают своих «белых братьев», т.е. представителей пришлого, нетитульного населения. В то же время представители нетитульного населения значительно выше ценят себя, нежели людей, в чью землю они пришли жить и работать. Данный вывод переворачивает представления о том, что этнос всегда преимущественно оценивает себя. Данное обстоятельство можно пояснить тем, что поведение титульных этносов дезадаптивно, что они все живут очень скудно, занимают иждевенческую позицию и т.д. Автор данного исследования так и делает [8]. Но остается открытым вопрос этнокультурного высокомерия представителей нетитульных этносов Колымы и Чукотки. Отчасти это объясняется их доминированием. Так сложилось, что коренные народы Севера немногочисленны, и обширные территории, которые они занимают, обильно заселены пришлым населением. «Гости оказались в большинстве» – данный парадокс есть еще одна специфическая ситуация, сформировавшаяся на крайнем Северо-Востоке страны. Мы же склонны объяснить результаты исследования высоким уровнем толерантности коренных малочисленных народов Севера, доминирующим из которых являются чукчи. По иронии судьбы, северные этносы почти ровно настолько ценят «гостей» выше себя, насколько «гости» их недооценивают. Отметим, что нетитульные этносы на крайнем Северо-Востоке страны составляют тот самый анклав культуры, который мы и называем цивилизация. Высокий уровень толерантности коренных малочисленных народов Северо-Востока России подтверждается не только данным исследованием, но и многократно установленным фактом – на Колыме и Чукотке не было ни одного межэтнического конфликта в XX в. Коренные малочисленные народы Северо-Востока оказались открыты иному культурному опыту, а в сложившейся ситуации осознают необходимость этого опыта и нуждаются в нем.

Причина толерантности чукотского этноса, на наш взгляд, определяется ассимиляцией их хозяйственной культуры и отчуждением, как от результатов труда, так и от привычных стереотипов этнического способа производства. Самосознание чукчей освоило «новую реальность», в которой этнос не имеет ничего, что можно было бы назвать своим, а является частью гигантского сообщества людей. Расслоение этнического способа производства сделало излишней борьбу за ареал. Так этнос из «немирного», отвоевывающего ареал для производства за короткий срок может изменить стереотип поведения и превратиться в мирный и миролюбивый. Не столько опыт иной культуры, сколько поглощение иной культурой, как показывает пример чукотского этноса, способствует этому. Таким образом, этнические предрассудки свойственны, скорее этносам, пребывающим в состоянии и стадии цивилизации, когда представитель «развитого» этноса уже не обладает суверенной культурой своего этноса, а замещает ее «внешними атрибутами цивилизованного человека». Фактически это не диалог культур, а диалог цивилизация – культура. При таком типе диалога возникает ассиметричный тип взаимоотношений. Этническая культура представит в этом диалоге во всем богатстве и оригинальности, представляет свой совокупный культурный мир, в то время как цивилизация ограничивается пониманием социально-технологического превосходства, неизбежно формирующего и психологическое преимущество. Навряд ли можно данную форму диалога назвать аккультурацией, то есть взаимное проникновение культур. Аккультурация чукотского этноса (а также других коренных малочисленных народов Северо-Востока России) прошла несколько этапов. Каждый характеризуется своими специфическими чертами, а также доминирующей стратегией.

На первом этапе значительную долю занимали процессы ассимиляции. Это был период, который легче определить как эпоха царизма в России. Ассимиляция предполагает большое число культурных заимствований: от атрибутов кухонной утвари, до доминирующих представлений о мире и образа жизни. Именно в этих направлениях цивилизация осуществляла контакты с реликтовыми культурами коренных малочисленных народов Севера. С одной стороны, регулярными стали контакты с российским купечеством и представителями американского торгового бизнеса, что служило обновлению культуры быта и манипуляций труда, появилось много изделий из металла, огнестрельное оружие, продукты питания (злаки) и т.д. С другой стороны,

началась культурная миссия русской православной церкви. Последнее особенно сильно повлияло на мировоззрение части чукотского этноса. В этот период ассимиляция не приняла необратимого характера и не видоизменила жизнь этноса и его доминирующие культурные парадигмы, однако она оказала свое влияние. Во-первых, чукчи впервые столкнулись с имущественным и социальным неравенством, поскольку меновые процессы с купцами стимулировали процессы развития имущественного расслоения. Во-вторых, это создало прецедент культурного регресса. Заключался он в следующем. В силу того, что наиболее ценным товаром, приобретаемым купцами была пушнина, связи с купечеством переориентировали значительную часть трудоспособного населения на охоту. Добыча же пушнины не была основным занятием ни оленных чукчей, ни береговых, охотящихся на морзверя. Переориентация с оленеводства, как более высокой культурной формы труда на охоту вновь отбрасывала этнос в далекое прошлое и представляется регрессом. Кроме того, от этого значительно пострадал этнический способ производства чукчей. В-третьих, ориентация на внешний рынок поставила в серьезную зависимость этноса от воли купечества и вообще от внешнего мира. Производство товара «на обмен», в буквальном смысле предполагала избыточное неравенство отношений цивилизация – этнос. В-четвертых, миссия русской православной церкви постепенно вытесняла архаическую мифологию, традицию, этику. Она привносила в этническую культуру новое содержание, элементы рационального знания, формировала культуру межэтнического общения, диалога.

Второй период, так называемый, «период социалистического освоения Колымы и Чукотки» внес значительные коррективы в развитие культуры чукчей. В этот период можно говорить о сложном сочетании элементов стратегий сепаратизма, сегрегации и интеграции. Доминирующей стратегией принято считать стратегию интеграции, подразумевающую стремление быть включенным в процессы, инициированные инокультурной средой через сочетание ценностей, представлений и правил поведения, которые были продиктованы идеологией. Перед идеологией были равны все: и чукчи, и русские, и украинцы и другие народы СССР. Одной из господствующих установок советской идеологии был тезис о формировании единой общности «советский народ», политика же государства лишь специализировала направления своей работы с различными этносами. «Подтягивание» до уровня «цивилизованных

народов» этносов, находящихся на реликтовой стадии было важным компонентом советской национальной политики. При этом нельзя утверждать, что эта политика сводилась к насильственному насаждению социалистических ценностей. Она стремилась учитывать многие обстоятельства культурного развития этноса, и сегодня можно говорить о значительных успехах данной политики. Однако, рассматривая конкретную ситуацию чукотского этноса в советский период, следует сказать, что народ реагировал на инокультурное вмешательство, формируя собственные стратегии поведения. Это было сочетание стратегий сегрегации и сепаратизма. Сегрегация подразумевает попытку сохранения определенной культурной дистанции, в силу целого ряда обстоятельств. Например, чукчи не обладали правовой культурой в современном понимании. Их правовая культура строилась на уважении традиции, формирующей комплекс табу, некие общепринятые критерии добра и зла. Социальная структура меняющегося общества также не соответствовала социальной традиции чукотского этноса. Примерно то же можно сказать практически обо всех аспектах жизни и действительности. Все это создавало барьеры, которые было весьма трудно преодолеть как представителям титульного этноса, так и нетитульным этносам. Стратегия сепаратизма, вытекающая из сегрегации, продвигала ситуацию в сторону развития способов сохранения самобытности, автономности, независимости и т.д. Уступая на «фронтах столкновения культурных форм», чукчи теряли культуру и традицию социального уклада, были вынуждены отказаться от религиозных предпочтений, забыли о принципах формирования этнического способа производства, все реже пользовались родным языком. Но они смогли сохранить культуру быта, некоторые национальные обряды и обычаи, все-таки сохранили право на занятия оленеводством и охотой на морзверя, и совершили настоящий культурный прорыв, в отличие от других коренных малочисленных народов севера, создав национальную литературу и целый ряд направлений искусства, благодаря чему об этом этносе узнал весь мир. В целом, наличие сразу трех стратегий аккультурации в период «социалистического освоения Колымы и Чукотки» говорит о невозможности его однозначной оценки. Следует говорить о тектонических сдвигах чукотской культуры, ознаменовавшихся как потерями, так и приобретениями.

Третий период, начавшийся в начале 90-х гг., углубил процессы сепаратизма и одновременно инициировал процессы маргинализации. Демократизация и маркетизация ознаменовали резкое изменение вектора культурного диалога чукотского этноса с цивилизацией. Крушение хозяйственно-социальной системы социализма и резкая перемена идеологии на диаметрально противоположную автоматизировали социальную структуру этноса. Появилось большое число маргиналов, не принимающих культуру и образ жизни ни одной из этнических групп, в том числе – и своей этнической группы. Они пребывают в промежуточном состоянии, и, как бы «повисли» между этническими группами. Разобщение этноса привело к культурному упадку. Возродить этнический способ производства до сих пор не удалось, равно как и соседскую общину, ядро социального уклада и этнического способа производства чукчей. Многие традиции оказались утерянными, лишь частично востребован чукотский язык. Стал историей и период взлета чукотской культуры. Плеяда писателей, поэтов, художников, деятелей искусства ушла в историю, не подготовив себе смену. Сценарии и стратегии аккультурации чукотского этноса лишь подчеркивают сложность и трагизм ситуации, складывающейся вокруг коренных малочисленных народов Северо-Востока. Не смотря на то, что стратегии сепаратизма и маргинализации принято считать интолерантными, мы видим, что экспериментальные данные и эмпирическое наблюдение лишь подтверждают толерантный настрой чукчей, высокий потенциал чукотской этнической культуры к диалогу. Стремление к сепаратизму в настоящее время определяется не критическим отношением к иным народам и государству, а более устойчивым состоянием реликтовой культуры как целостной системы. Сепаратистская стратегия аккультурации чукчей в настоящее время связана еще и с тем, что интенсивность диалога с цивилизацией в последнее время существенно ослабела. Инициатива же этноса направлена на сохранение культурной самобытности.

Литература

1. Разлогов К. Феномен массовой культуры / Культура, традиции, образование. Вып. 1. М., 1990.
2. Цатурян А.С. Этническая идентичность: трансформация в условиях современной культуры // Гуманитарные и социально-экономические науки. Ростов-на-Дону, 2006. № 8.

3. Шадже А.Ю. Национальные ценности. Майкоп, 1996.
4. Белик А.А. Культурология. Антропологические теории культур. М., 1998.
5. Стефаненко Т.Г. Социальные стереотипы и межэтнические отношения // Общение и оптимизация совместной деятельности. М., 1987.
6. Гулиев М.А., Ганиева Р.Х. Интолерантность как проявление этноцентризма // Гуманитарные и социально-экономические науки. Ростов-на-Дону. 2007. №4.
7. Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб., 2000.
8. Ковалев Ю.В. Этническая идентичность // Ученые записки кафедры психологии Северного международного университета. Магадан, 2003. Вып. 4.

*Северо-Восточный
государственный университет*

17 ноября 2009 г.